

Жанна Благодарова

Планета по имени

ПОФИГ

Жанна Благодарова

Планета по имени Пофиг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70868131

SelfPub; 2024

Аннотация

Привет, читатель! «Дорогой юный друг» – так часто начинают описания книг с пометкой от 12+ до 16+ Скажешь, прям вот так, сразу, и – друг? Вечно взрослые что-то придумывают и навязываются... Наверняка дома и в школе тебя просто достали – с утра до вечера указывают, как тебе жить. А ты уже большой и сам знаешь. И мечтаешь – может, даже очень часто: «ещё несколько лет, и закончится эта дурацкая школа, и съеду я от предков, и заживу как хочу. И пофиг на всё, что они скажут». Главный герой этой повести тоже об этом мечтал. А однажды – попал в другой мир. Очень развитый, высокотехнологичный. Всего того, чем взрослые надоедают детям у нас, там нет. Да там много чего по-другому... А ещё всем друг на друга пофиг – каждый живёт как хочет, с самого раннего детства. Героя моего там не обижали. И, в целом, отнеслись гостеприимно. Но захотелось ли ему остаться навсегда? И захотелось бы тебе, будь ты на его месте? Скорее читай, и всё узнаешь!

Содержание

Глава Поле шерсти	4
Глава Пешком в дурдом	17
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Жанна Благодарова

Планета по имени Пофиг

Глава Поле шерсти

– Мам! М-а-а-а-м! Гляди – коза!

– Где?

– Ну вон же, у забора, под вишней. Сидит, как собака у будки! Даже не шевелится. Да куда ты уставилась, не у калитки. Я же пальцем показываю – вон, справа, у забора. Под вишней!

– Игнат, не показывай пальцем. Тебе же тринадцать, а не пять. Нигде нет никакой козы, и вообще ничего нет, опять фантазируешь. Хочешь сбить меня с мысли, чтобы я забыла дать тебе задание?

– Ага, тут прям такая работа мысли нужна!

– Не болтай и не спорь с матерью, а бери лопату. В семье все обязаны – обязаны, слышишь? – всё делать вместе, для пользы всех!

Щас, раскопался, жди! Пусть лохи какие-нибудь деревенские копают... Ба-лин, как мне не нравится ездить на дачу – это ж деревня, отстой, позапрошлый век. Тормознючий инет и туалет на улице. Вот родители говорят, что труд надо любить, а труд на земле вообще самый главный для жизни. И

такой труд самый почётный... А мне копать ужас как не нравится. И никому не нравится копать, и никто огородников не уважает, взрослые всё врут. И вообще... если тебе нравится тебе что-то – так и делай сам. Сама то есть. А других не ставляй. Подумаешь, «мать»... вот по чесноку – мать реально нужна детсадовским, а я уже большой!

А ужасно интересненько, откуда взялась коза? Сидит как-то странно... не по-козиному. Я глянул вправо. Нету её! Пошарил взглядом вдоль забора – точно нет, и спрятаться ей нигде. Только кустик какого-то пыльного, серого цвета – типа как в паутину замотан. Ну, значит, в заборе появилась щель. И большая, раз целая коза пролезла! Ну чё, щель-то я обязательно найду.

Ой, а и ничего странного, что коза пролезла – разные звери тут шастают. Недавно соседи – ну, типа соседи, потому что не совсем рядом их дача, волка видели. Может, гонят, может, показалось. Отцу скажу, пусть щель заделывает. Нам чужих коз не надо, а тем более – волков. Ну вот, дошёл до самого угла... Упс, забор, который на улицу, весь целый. Может, от соседей как пролезла, хотя у них вроде только кот, рыжая наглючая зверюга. Дотронулся рукой до того странного кустика...

– Игнат, я вижу, куда ты спрятался! Иди сюда, сейчас же. Вот здесь, – здесь мама раскинула руки в стороны настолько, насколько ей позволяла комплекция, – здесь будет чеснок. Копай!

У-у... Как отмазаться? Посмотрел на отца. Тот уже тёрся у калитки.

– Ку-у-уда? – мама моментально переключилась на более неустойчивый, и ещё менее склонный к работе объект. Не только к работе в огороде, но и вообще к домашним делам. «Объект». Сама так придумала, типа юмористка. А ещё мама говорит, что отец – объект, неустойчивый к алкоголю. Ну... это правда. Когда он напивается, его не то что работать не заставишь, от него прятаться надо. Что хорошего в семье, если нужно друг от друга прятаться... Да и зачем она вообще нужна, семья-то? Чтобы прятаться, или заставлять друг друга делать то, что влом, и даже противно?!

– Ку-у-да лыжи наострил? – грозно крикнула мама.

Ба-лин... Ну, щас начнётся. Всё-таки ТимОк (братан мой старший) не совсем зря её токсиком обзывает. Токсик – это человек, который всех нервирует. Я сначала думал, что нельзя так с родителями. А теперь... мам, не обижайся, это правда! Тимок, между прочим, на дачу не приехал. Не заставили. Его уже ничего не заставишь, потому что совершеннолетний. И он уже сам заставляет – вот любят люди кого-нибудь заставлять, – называть его полным именем. Тимофеем. Но для нас, и для меня тоже, он всегда будет ТимкОм.

Скорее бы и мне совершеннолетним стать – заживу как сам хочу, ни маму, ни отца слушать не буду, и вот даже не появлюсь на этой даче. Поскорее от родителей съеду, и, как Тимок, тоже буду за...

– Ё, ну всё она видит, прям шпионка. Вот как так, сын? – хриплый, грубый голос отца перебил мои мечты.

– Уже набрался! – мама вцепилась в калитку, – сынок, помоги, держи его! Куда он пьяный пойдёт?

– Глупая! Пусти!

Ага... ругачка, конечно, плохо, но сейчас вроде как и неплохо. По всему видать, *копание* (или, кажется, *копка*, точно не знаю, на русском это не проходили) откладывается!

– Мам, не связывайся... Всё равно уйдёт. Можно, я с ним схожу, слежу?

– Ох, сынок, столько дел, а он с утра напился... Ладно, сходи.

Уррра! Я сгонял в дачу, схватил телефон – лежал на тумбочке, заряжался, и рванул за отцом. Тот маячил уже у выхода из нашего «аппендикса» – так родители называют тупичок, узенькую дорогу между несколькими дачными участками. Через минуту я его догнал:

– Пап, а куда мы?

– К Валерке. Знаешь, вон в том углу?

– Там, где дубы у трансформатора и спуск к Волге, а дальше – другой дачный посёлок?

– Ну.

Свернули с дороги на поле – чтобы сократить путь. Бабин, вроде вчера вечером, когда мы мимо проезжали, тут был пустырь. Откуда поле-то взялось?.. А фиг его знает, может, всегда тут было поле... Мы шли по узенькой полоске

земли между ровными, нескончаемыми рядами дымчато-серых кустиков: отец впереди, я – сзади. Вспомнилась коза.

Да, кусты серые, и контуры... ну, точь-в-точь как та коза! Справа-то были дачи – пёстрая нарезка земли с пятнами заборов и домиков. Сто раз всё это видел, и всё так, как было. А вот слева... Серые аккуратные ряды естественно и гармонично перетекали в небо на горизонте, потому что оно было пасмурное, тоже серое, но посветлее поля.

– Пап, а что это растёт?

– Чего? Ну, растёт и растёт. Не трогай.

Верхушки рядов были очень похожи на валики – типа боковинки у дивана, округлые, мягкие. Казалось, что мягкие. Чем-то похожие на сахарную вату. Я запустил в валик пальцы. Ну, шерсть! Чистая, как бы взбитая, шерсть, приятная на ощупь. Тёплая! Отщипнул кусочек – шерсть отделилась легко. «Созрела», – подумал я, и тут же сам над собой поржал. Глупость я подумал. Шерсть ведь не зреет, а просто растёт на животных, как волосы у человека на голове. А потом, если надо, её стригут или счёсывают расчёской. Мне про это бабушка рассказывала. Когда счёсывают, получается пух.

После отщипывания кустик немного растрепался – я заметил, что внизу серых волокон зеленеют обычные стебельки. Ни фига себе! Никогда не слышал, что шерсть может в поле расти! Сфоткал с нескольких ракурсов, снял коротенький видосик. Ну-ка, загуглю, что это, а потом пост забабашаю... Ребята все обалдеют, лайков наберу, наверное, мо-

ре...

Что-то тормозит конкретно. Ба-лин! Вообще нет сети. Отошли от дач на пятьдесят метров, и уже нет сети... Я глянул влево – туда, где маячили верхушки вышек. Должны были бы маячить. Но сейчас ничего там не маячило. Только шерсть до самого неба! Я потряс головой, потёр глаза... тумана вроде нет.

– Игнат, ты чё отстаёшь?

Я засунул «шерсть» в карман, глянул ещё раз на шерстяные валики (теперь мне казалось, что они похожи на бесконечные шеренги неподвижно сидящих коз), и подбежал к отцу – он уже держался за калитку Валеркиной дачи. Ноги его мелко колыхались, как на пружинах.

– Пап, похоже, никого нет.

– Молчи! Иди за мной.

Из-за соседнего забора показалась рожа с растрёпанными волосами и испуганными чёрными глазами.

– Слышь, а где Валерка?

– Нет его, и не приезжал. Замок на воротах.

– Та-а-к... Вижу, что замок, – зло огрызнулся отец. Видно, что черноглазый был назначен виновником отсутствия Валерки. Растрёпанная голова поспешила скрыться за деревьяшками забора. Вдали послышались мужские голоса. Отец взбодрился, на его лице даже заиграла улыбка.

– Это ж Санёк! Зайдём-ка к нему!

Не то что бы я не был в Валеркином «аппендиксе», то есть

тупичке, куда выходили заборы нескольких крайних дач, ну, которые у самого леса. Но, видать, был я тут давно и рассмотрел всё невнимательно. Или вообще не рассматривал. По крайней мере, ничего не узнавал. Дома какие-то... не как дачи, а старинные – в смысле, типа старинные, очень похожие на давнишние дома в центре нашего города, в старых районах. Не на любые, конечно, дома, а которые памятники архитектуры. Нас в школе на экскурсию водили.

Ну, учителя в школе придумали нам эти дома показать, специального историка пригласили. Мы-то живём не в центре, а школа рядом, и, понятно, тоже не в центре. Оказывается, этим домам по сто и больше лет. Офигеть, как давно строили! И строили их не так, как сейчас. В общем, интересно было послушать.

Но вот что действительно интересно – как же хозяева построили эти дачи? Наверное, разбирали старые дома – которые не памятники, потому что памятники охраняют, и их разбирать нельзя. Что же, разбивали стены по кирпичику, потом перевозили кирпичи сюда, и собирали, как было? Балин, какой это гемор. Но красиво!

Ведь старинные дома все с какими-то, ну, не знаю, как их... С украшениями, выступами. А кирпичи – видно, что очень старые, очень. Заборы из толстых прутьев тоже старые, чугунные. Часть прутьев даже не установлена – их прислонили к воротам и столбам. Ржавые какие-то, облезлые, смотреть противно. И всё равно припёрли! Людей я нигде не за-

метил.

– Пап, а как они эти дачи строили? В городе старые дома разбирали, а здесь собирали как было?

– Чё?.. Чё ты несёшь! Щас молчи, даже не пикни, я с Саньком поговорю.

Голоса становились всё громче, и вскоре из-за вишнево-сливовых зарослей в конце «аппендикса» нарисовались две фигуры – одна была ну просто огромных размеров. Шрек в кубе!

– ЗдорОво, Санёк! ЗдорОво, Пельмень!

– Дарова, Ликсеич! Хорошо, что ты заглянул. Пошли-ка сюда! – тот, который Пельмень, вытянул лапищу вбок, в сторону крошечной полянки между наваленными старыми чугунными прутьями, кирпичной – типа старинной, стеной и пышным кустом, блестящим как стекло. Я видел такие на заводе технического стекла. У них там специальная витрина с разными изделиями, чтобы показывать уровень мастерства стекольщиков.

У-у, мне сразу стало скучно. Ясно, что будет – торжественное распитие всякой гадости «за встречу» и «на удачу». А ты сиди и рта не смей раскрыть. Вроде терпеть можно, да и не больно приятно с пьяными разговаривать, а если здесь есть инет... я вытащил телефон из кармана. Ща-з-з-з... Нету инету! Эх, зря я с отцом пошёл. Уже вскопал бы ту грядку, и завалился бы на диван. В даче-то инет приемлемый...

– Па-а-а-п, а можно я домой пойду?

– Чё? А-а, иди, конечно, сын. Только маме не говори, что Валерки нет. Ладно?

– Ладно, ладно!

Странное я испытал чувство, когда бежал по проулку назад, к общей дороге. Как будто бежал не просто назад в прямом смысле слова, а назад – во времени. Эти, типа старинные, дома были как прошлое. Такое ощущение, как будто пришёл на кладбище к родственникам, точнее, предкам, которые умерли ещё до твоего рождения. Задолго – до. Необычное у меня было состояние, особенное – без грусти, без страха. И вообще без чувств. Как будто в голове включился компьютер, а мозг заменил искусственный интеллект.

... Чуть не уткнулся носом в забор, над которым плавно взошла, словно солнце из-за деревьев, черноглазая голова. И тут же спряталась, потому что я показал ей язык – вернее, ему, потому что голова принадлежала всё тому же растрёпанному мужику. Я оглянулся по сторонам. Что-то много дорог... И шерстяное поле всё в дорогах, а было чистое, только бескрайние ряды кустиков, валик к валику. Или коза к козе. Что-то сегодня как-то... Не то. Непонятно что творится!

Я повернул влево, потому что сюда мы шли направо. Бабин, да ведь сколько раз я гонял тут на велике, и просто бегал с мальчишками! А сейчас всё как в первый раз вижу. Уже через пару шагов я понял, что направился не туда – кругом были дома, почти как обыкновенные, но дома, а не дачи. И дома эти стояли вдоль нормальных (ну, с натяжкой) длин-

ных улиц, а не вдоль многочисленных коротеньких «аппендиксов», как у нас на даче. Но не это главное. Главное – полно народу.

А я не мог за две-три минуты добраться до ближайшего села! И никогда в ближайшем селе, и ближайших к ближайшему, я не видел столько людей. Вообще, место, куда я попал, тянуло на что-то типа городка.

Я уже почти растерялся, когда впереди показались прилавки с товарами. Рынок! Ну, спрошу у продавцов, где дачи. И пусть смеются. А что, если они меня ментам сдадут? Страшно... Нет, лучше к отцу вернуться! Я оглянулся. Ни Валеркиной – как бы старинной, дачи, ни забора с черноглазой головой не было! У-у...

Я потоптался на месте. Наконец, набрался храбрости и воздуха:

– Скажите, а где дачи?

– А? – уставился на меня толстый дядька за прилавком с большими кусками. Мясо, наверное.

– Откуда? – мужик справа очень недоверчиво посмотрел на меня – так, как будто хотел двинуть лопатой по башке – лопата, кстати, была на расстоянии вытянутой руки.

На всякий случай отошёл подальше – к тётке, которая сидела за кучами, типа из гречки и риса. Она показала рукой:

– Вон там.

Да это же туда, откуда я только что пришёл. Ба-лин... Не, лучше я буду ориентироваться по солнцу. У-у, его сквозь об-

лака и не видать совсем – очень уж пасмурно. А и хорошо, что пасмурно. Солнце в глаза – явление на любителя. Я всё шёл и шёл, а город не кончался и не кончался. Я удивлялся и удивлялся – это было совершенно незнакомое место! Повернуть назад? Один раз я хотел это сделать, но – не получилось. Не потому что сил не хватило или храбрости, а потому что... невозможно. Да! Так невозможно, как невозможно вернуться в прошлое.

Впереди опять показался рынок, но не уличный, а под крышей. Даже внизу. Типа как в подземном переходе. Спустился. Ничего там не было особенного: разные тётки и бабки стояли у небольших столиков, на столиках – еда, вещи. Ну, я так думаю, что это были еда и вещи. В потёмках не особо разглядишь. Я долго отирался у стены, всё выбирал, у которой лучше спросить. Решил, что вон та бодренькая бабуля, совсем седая, но с весёлыми голубыми глазками, подойдёт.

– Скажите, а где дачи?

– Дачи? А, дачи-удачи! Там, – бабуля сделала такой неопределённый, широкий жест, что я не понял. Она тоже поняла, что я не понял.

– Не понял? – виновато посмотрела на меня, когда я кивнул, – ну, тогда я тебя провожу!

– Нет, не надо! Мама сердиться будет!

– Ничего! – бабуля рассмеялась, – пойдём!

– Тогда давайте я что-нибудь куплю у Вас, – сказать-то я это сказал, но зря сказал. Денег у меня не было, а если и

было, то совсем немного. Она обрадовалась:

– А давай!

– Что Вы продаёте? – дело в том, что у столика, где стояла «моя» бабуля, их, бабуль, топталось несколько.

– Вот, – она указала на небольшие, кругленькие, типа как пирожки, – с подберёзовиками! Сколько тебе?

Я полез по карманам: вытащил телефон, старый чек из магазина, жвачку...

– Дай-ка, подержу! – бабуля сложила ладони чашечкой, – ой, а что это? – ткнула пальцем в телефон.

– Да это телефон такой!

Вот деревня, нормальных телефонов не видела.

– А?

Всё-таки старые люди ужасно бестолковые. И пользы от них почти никакой – только сказки маленьким детям рассказывают, или провожают тех детей, кто постарше, до школы и до дома. Тут я нащупал несколько монет – кстати, застрявших в шерсти. Наверное, она перепуталась из-за ходьбы. Я потряс мелочь, пытаясь оценить количество – но как определить, насколько моих финансов хватит? А, всё равно не намного. Может, на пол-пирожка, если у них тут цены невысокие. Не хочется бабульку расстраивать – просить скидку.

– А сколько стоит?

Бабка растопырила пятерню. Ого, приемлемо. У нас в городе пирожок с грибами стоит пятьдесят, а может, кое-где и подороже. Я протянул всё, что выгреб из всех своих карма-

нов, то есть шестнадцать рублей.

– Хватает на три штуки!

Она ловко сгребла мелочь одной рукой, а другой сунула в мои ладони телефон, жвачку, бумажку и кулёк с пирожками:

– Вот три, а четвёртый бери в подарок! Сейчас поешь, и пойдём.

– Нет, я не хочу пока. Сразу пойдёмте!

Бабуля вдруг замерла на месте, стала какая-то важная и загадочная... Интересненько. Наконец, выдала:

– Меня зовут Сидерис.

Глава Пешком в дурдом

Ничего себе имечко... Ха, я ещё способен удивляться, в сегодняшней-то денёк?! Но я ни разу так и не назвал её по имени. С именами надо быть осторожнее, я в кино видел. Кино, конечно, типа сказка, фэнтези, но... Фиг его знает, что странное имя значит. А вдруг – заклинание? Произнесёшь, и случится с тобой несчастье!

– А-а-а... Я – Игнат. Спасибо, что согласились меня проводить! По правде, я совсем заблудился. Очень боюсь, что родители будут меня ругать...

Сначала я думал, что все непонятки закончились, и вот сейчас, или через пять минут, мы свернём на знакомую дорогу. Однако, мы шли и шли, а знакомого не было ни-че-го. Я вынул телефон... Ба-лин, уже вечер – должно стемнеть, но нисколечко не темнело. Куда, куда я попал?!

Вдруг мы наткнулись на грязь. Ну, бывают такие участки на дороге, обычно низкие. Вроде вокруг нормально, и проехать, и пройти можно, а вот если возьмёшь прямо – вязко-жидкая грязь.

К счастью, слева было повыше, и мы пошли там. Вскоре оказалось, что «повыше» было не к счастью: оно переросло в холм, и даже не в холм, а в стену. Я такую видел в передаче про Камбоджу – это страна на востоке земного шара. Там такая старая крепость есть (ну, была, а сейчас там типа му-

зая древней цивилизации), и вокруг стены очень толстые и высокие. Монументальные!

Внезапно до меня дошло, что мы с бабулей идём по этой самой стене! То есть не по той, которая в Камбодже, а *как будто* по той. Ну, по очень похожей. Было не страшно, а непонятно, и даже удивительно. Я сказал:

– Пожалуйста, простите, что я Вас наверх потащил! Вам идти, наверное, тяжело, и смотреть вниз страшно!

– Да, высоковато... Но, ничего, как-нибудь спустимся. Я ещё не совсем разложились!

Она шутит, а вот мне... Я огляделся: стена всё ползла вверх, а дорога внизу была уже сухая. А облака-то так никуда и не деваются. Вот только дождя нам не хватало... Встал на коленки, нагнулся и зашарил руками по стене. На её поверхности были какие-то узоры с выпуклостями (называют их барельефы, кажется), а ещё типа как выступающие полки.

Жаль, что они только сверху и в самом низу, а то можно было бы спуститься вниз почти как по лестнице. Ну, почти. Вообще-то, как по скалодрому. А ещё стена во многих местах была как бы продырявлена – не насквозь, а на глубину около пяти сантиметров. Дырки небольшие, влезает только один палец... Ага! И расположены группами – так близко, как будто действительно для пальцев рук!

– Ну, попробуем слезть! Видите, сколько дырок? Это для пальцев! Суёте их туда, опираетесь, переставляете ноги на вот этот выступ. Потом вытаскиваете пальцы. Вон ещё дыр-

ки, ниже. Щас покажу!

Я удивился, насколько удобно было спускаться. Сначала-то я подумал, что все пальцы переломаяю, да кожу на ладонях обдеру... И стена была не такая уж громадная, как показалось из-за высоты и усталости. Только что делать дальше? Идти невозможно – дороги не знаю. И есть хочется!

– А давайте сядем. Вы есть хотите?

– Давай сядем. Хочу есть. Хочу спать.

Я протянул ей пирожок. Замахала руками, типа «ты же купил, сам ешь!» Говорю: «А это бонусный!» Она обиделась, вытаращила глаза: «С подобрёзовиками!» Вот деревня, простых слов не знает, – я чуть не подавился куском от смеха. Однако, сцапала пирожок с... аппетитом. Точнее не скажешь. Мгновенно сцапала. Как хищник!

Мы присели на камень у дороги – вот никогда у нашей дороги не было таких огромных камней! Типа как памятник на могиле, только не памятник. Камень необработанный, сам по себе валялся у дороги, – было ясно, что никто его специально не клал.

– А... ещё пирожок хотите?

– Нет. И захочу – не возьму, ты мне за него деньги дал.

– Ну и что? Вы же провожаете меня, вон сколько времени потратили. Ваши родственники тоже, наверно, волнуются и голову ломают, куда Вы подевались.

– Не волнуется никто обо мне. Живу одна я.

– Эх, завидую! Давно мечтаю жить один, чтобы родители

ничего не заставляли, хочу без разрешения делать всё, что мне нравится. Только долго ещё ждать, пять лет!

– А-а? – бабуля выпучила глаза, – про что говоришь ты?

– В смысле, про что? Ну, про совершеннолетие. Сейчас мне тринадцать, плюс пять – равняется восемнадцати. Конечно, ещё не известно, как там всё сложится. Но я постараюсь свалить от родителей побыстрее!

Вот тупая. Но добрая. А может, уже и не помнит, как классно было съехать от родителей?! Мы всё сидели на камне – идти не было сил, уж очень устали. Но это ерунда, временное. Трудней всего идти, когда не знаешь – куда... И вот что странно: ну ни единого огонька, как будто во всём районе свет вырубился.

– А у вас в деревне часто свет отключают?

– А-а?... Он для Особенных только. Да уж, так уж темно у нас. А разрешают только в тоннелях нам. Где света почти нет. А наверху работают сами. Пахнет у нас. Мучаемся мы.

– А, ну да, я заметил, что в переходе сумерки, ещё товары было плохо видно. Неудобно, конечно. А что, там у вас помойка рядом? Запаха всё равно нет никакого, не переживайте. Но не особо как-то рядом с помойкой жить, это да. Чё, провести электричество так дорого? Это ж не газ!

Вот у нас на дачи электричество быстрее всего провели. Мне отец рассказывал, что ещё ни одной дачки не построили, и даже заборов ни у кого не было. Не бесплатно, конечно, но вроде у всех деньги нашлись. А вот о газе только мечтаем.

В смысле, родители мечтают, мне-то пофиг. Мне и на саму дачу, тоже... пофиг.

– А-а?

Ба-лин, сколько в её башке тупости! Говорит непонятно, как бредит. Может, она редко ходит пешком и устала настолько, что забыла, откуда берётся электричество и газ? А на вид шустренькая! Ничего, скоро придёт в себя. Всё равно пока что сидеть будем. Ой, зря я так на неё: сам устал от всего вчерашнего, плохо соображаю. Кстати... Я снова вытащил телефон. Ага, щас! Сети не было.

Мы сползли с камня – прислонились к нему спинами, боками – друг к другу. Нет, не из-за холода – было тепло. Радует, конечно, но тоже странно, ведь в последние дни, то есть ночи, температура не поднималась выше десяти-двенадцати градусов... Мне стало как-то не по себе. Ей, похоже, тоже. Мы глубоко вздохнули – получилось синхронно, как будто долго тренировались, и засмеялись из-за этого совпадения. Также синхронно. Я быстро задремал.

Когда открыл глаза, уже совсем рассвело. Ба-лин, да ведь вчера и не темнело! Бабуля ещё посапывала, и я постарался не шевелиться. Повернул голову налево... потом направо... всмотрелся вдаль... Ни-че-го! Куда же мы зашли? Ну, уж стена-то должна быть на месте! Я оглянулся. Да...

Может, та древняя стена *на каком надо* месте, но только не там, где вчера – сзади тоже не было ничего. Пустота, кроме ровной земли без единой травиночки-мусориночки, и ак-

куратных полосок дорог.

А небо? На первый взгляд, ничего особенного – пасмурное, как и вчера. Но что-то в нём было странное. Необычный цвет облаков? Да, цвет непонятный, никогда такого не видел: ни серый, ни бежевый. Нулевой, что ли, как в центре цветового круга. Нам его на физике показывали. Но и не такой белый, как в круге!

Даже вроде бы и не цвет, а о-т-с-у-т-с-т-в-и-е цвета. Балин, что-то у меня с головой. По ходу, в мозгах баг выскочил... Понял! Понял, понял, что не так. Цвет облаков идеально ровный, и солнце нигде не просвечивает! А должно было бы – слой облаков тонкий, раз уж так светло. Бабуля зашевелилась.

– Доброе утро! Давайте поедим, как раз два пирожка осталось.

Она открыла рот, но я перебил: «Ешьте-ешьте. Вдруг ещё долго идти». Я окинул взглядом голую землю, уплывающую куда-то за горизонт: «Ведь Вам ещё возвращаться. Но я попрошу отца, чтобы отвёз Вас на машине». Здесь я запнулся – ему ведь ничего не стоило набраться уже с утра. Как это произошло вчера. Вот если бы отец не... я глубоко вздохнул.

Мы задумчиво сжевали пирожки, и медленно встали, опираясь на камень. Чё за фигня? Камень вроде камень, но в то же время... какой-то некаменный. Твёрдый, но не каменной твёрдостью. Совсем не холодный, а должен был бы быть холодным после ночи. Да он и ночью не был холодным! Он

был приятным, как плед. Плед, плед... ба-лин, да у него и цвет совершенно не каменный! Вроде серый, то есть самый обычный цвет камней. Но какой-то особенный серый. Ах... Коза. Да-да, он был цвета вчерашней козы!

– Странный камень, да?

– А-а?.. – бабуля округлила глаза, челюсть у неё отвисла.

По ходу, плохо отдохнула бабулька. «Камень, говорю, странный, – я слегка ткнул его ладонью, – наверное, редкий минерал». Я вовремя вспомнил это слово: «минерал». По географии рассказывали, что из них все горы состоят. Посмотрела на меня как-то недружелюбно. Искоса. Даже с подозрением.

– Пойдёмте! – сказать-то я это сказал, а куда идти?

Дорог было много. Ну, не то чтобы много, но не одна, как должно было быть. Эх, лучше бы я весь огород вскопал, и лежал бы сейчас на диване спокойненько. В инете не появлялся сутки – пацаны рассуждают, наверное, куда я пропал. А ведь никто не угадает! Я привстал на цыпочки. В конце одной дорожной полоски, практически у горизонта, что-то виднелось. Ну, что-то – это уже что-то. Я потянул бабулю за рукав, кивнул головой в направлении «видения». Она прищурилась, тоже кивнула. Туда-то мы и пошли.

– Слушайте, ну правда ведь необычное небо? Очень светло, а солнце ну нигде не просвечивает!

– О чём говоришь ты? Небо, всегда такое оно. Сколько живу я. Не менялось оно. Страшное случится, если небо из-

менится. Особенности говорят так. А ты – придумщик ты! – бабуля очень рассердилась, и ущипнула меня за плечо. Совсем не больно, даже смешно. Ну, смешно-то смешно, если рядом есть нормальные. Хотя бы один нормальный. Короче, шли молча, разговаривать не хотелось. Ни мне, ни – я это чувствовал, ей.

Вот все знают, что ходить пешком полезно. Типа, успокаивает. Я точно слышал стопицот раз – по телеку, и бабушка так говорит. Не эта, случайная, которая сегодня ничего путного ещё не говорила, а моя родная бабушка, мама мамы. Я всегда смеялся, не верил. Я вообще чаще всего бегая – не знаю, как так получается. Бабушка говорит, это потому что я молодой...

И вот теперь – поверил. Через час хода я успокоился, и бабуля тоже. Мы уже не избегали смотреть друг на друга, потом даже заулыбались. Я больше не удивлялся тому, что дорога незнакомая, ведь непонятки продолжались с утра, как только я открыл глаза. Ничего подобного этой дороге я раньше не видел, даже в инете.

Вроде бы она земляная. Взрослые почему-то говорят про такие дороги – грунтовая. Но эта была необычная – совсем не бугристая, а ровная, просто зеркальная. Идти было удобно, как дома по линолеуму. Или даже как по ковру, только не очень пушистому. И – ни одной машины. Я прикинул, когда видел хоть какую-то машину в последний раз. Со вчерашнего утра не видел! Вот это уже, действительно, – нечто...

– Слушайте, а странно ведь, что машин совсем нет?

– А-а? А, нет, нет.

И тут до меня допёрло. Бабуля злая и не хочет разговаривать, потому что пришлось тащиться со мной. Не, ну это я понимаю. А кто виноват-то, сама напросилась. На себя и злись. Они ведь любопытные, эти бабульки. Ничего, «спасибо» родители ей обязательно скажут, отец отвезёт до дома! Тут я опять мысленно запнулся, потому что отец был «алкогольно непредсказуем». Тимок так выражается. Но уж я обязательно скажу ей «большое спасибо», потому что мне с ней веселее. Да, а ещё пирожки – они были очень вкусные. Где она только нашла подберёзовики?

– А где Вы подберёзовики нарвали?

– Это как?

– Ну, пирожки же с ними!

– Целый день в туннеле стою я, темно там.

– Да, да. Стрёмненько там у вас, согласен.

Потроллить меня надумала. Щас, не дождёшься. Вот не просил я себя провожать, ну нисколечко! Мы, не сговариваясь, прибавили шагу, и я уже не пытался заговаривать с ней – на горизонте нарисовались дома. И не только дома, но и люди. Фу-у, конец непоняткам!

Примерно через полчаса мы были уже *там* – на улице между домами, и я как-то сразу понял, что непонятки не закончились. Дальше будет в том же духе, а то и хуже! Куда мы попали? Я потянул бабулю за рукав:

– Слушайте, Вы знаете, какой это город?

– А? Не, не я.

Ба-лин, что с ней? Зависла совсем! Кстати... а подобрёзовики ли были в её пирожках? По крайней мере в том, который она съела утром?.. Мне было непонятно, что с ней, но ещё непонятнее было то, что на улицах. Это были всё те же земляные, то есть грунтовые улицы, что и в полях. Дома невысокие, не то в два, не то в три этажа.

Точнее не скажу, потому что они непривычные. Раньше я таких никогда не видел, даже в инете. Без окон, без дверей, без крылец. А балконы – нет, это не балконы, но типа балконов, как-то кучеряво вылезали друг из друга. У домов были округлые контуры и как бы надутый – воздушный, вид. Нигде никаких киосков и ларьков, лавочек и остановок. И деревья не растут. Даже сухой травинки нигде не торчит! Чисто-чисто, как на самом деле не бывает. Но – это *было*, и действительно очень чисто: стены домов как только что вымытые, и дорога, хоть и из земли, а нисколечко не пылит!

И вот что ещё странно: к городу мы шли по ровной поверхности (так, как оно и должно быть у нас на даче), а здесь внезапно начались холмы и ямы. Почти американские горки – улицы то падают, будто в пропасть, то взлетают чуть не в небо. Машин нет, и даже шума машинного не слышно. Хотя, не удивительно: с такими «горками» лучше на вертолёте летать. А вот людей полно! Толпы. Мы остановились в сторонке, чтобы осмотреться. Вернее, я решил остановиться и

осмотреться: бабуля вряд ли что соображала, её глаза были как стеклянные.

Прикольное место! Раньше ничего о нём не слышал. Долго не понимал – ну, мне показалось, что долго, а как на самом деле, я не знаю... что же необычного в этих людях? Потом-то, когда я увидел одного (вернее, одну) вблизи... офигеть супер-модель! Я бы сказал, моРдель – некрасивая, кривоногая, длиннорукая. Но издалека казалось странным что-то совсем другое. То, что все они какие-то одноцветные, бело-серо-бежевые? Непривычно, но не в том дело. Одежда свисает как тряпки? Нет...

Ба-лин, допёрло! А ведь старых никого нет! Ну да, вон ребята – мои ровесники, и ещё молодые люди – типа студенты (как наш Тимок), или как те, которые только что закончили учиться. Разве такое на улицах бывает? Ха – я шлёпнул себя по лбу, – конечно бывает. Похоже, это университетский городок! Или типа того. Только разве есть где-то поблизости университетский городок... Выходит, что да. А я и не знал. По привычке потянул бабулю за рукав:

– А Вы слышали, что у нас тут есть университетский городок?

Она ничего не ответила, только выдала своё фирменное «а». Ё-п-р-с-т! Надо же узнать, как он, городок этот, называется, и как добраться – уж если не до дачи, то домой, в город. Я глазами выискивал в толпе человека постарше и посерьёзнее, чтобы не прикололся над нами. И не наврал. Ведь

вчера на том – первом, уличном, рынке, мне наврали, а я и поверил!

Ага... Интересные тут студенты, не совсем обычные. В целом, люди как люди, но невысокие, даже низенькие, и ноги у всех очень короткие. Лица не нашенькие, и очень некрасивые. Даже страшные. Особенно уродливыми выглядели те, кого я посчитал девушками. Впрочем... если честно, наподобие таких я уже видел, и не раз. Только те, которых я видел раньше, старались скрыть кривые короткие ноги (потому что они действительно отстой), а эти, наоборот, напоказ выставляют. Ну и дуры.

Эге, а руки-то у всех ну ужасно длинные. Как у горилл. Ха-ха, наверное, загребущие. Загребуки, как в рекламе! Прикидик, в общем, не того. Ой... головы-то, головы?! Вытянуты вперёд, подбородков почти нет – нижняя губа заканчивается почти там, где начинается шея. Глазищи выпучены, губищи надутые, и оттопырены. Ну, тут уж я знаю, в чём дело – силикон закачали. А в целом – какие-то рыбки у всех морды. Может, это иностранцы, и городок для иностранцев? Секретный. Не просто же так я о нём не слышал...

«Студенты» почти все шли группами. Постоянно переглядывались, обнюхивали друг друга (или типа того), плавно махали руками, как будто танцевали медляк. Все были весёлые и куда-то торопились. Может, на тусню?.. Мне тоже стало веселее – всё-таки приятно было на них смотреть, хоть они и несимпатичные. И завидно, и почти что захотелось

пойти с ними...

Внезапно я подумал... Так, а что же я подумал?... А-а! Как же это на улице очень тихо, когда вокруг толпа народу? Люди от нас далеко, но... Вообще же ничего не слышно. Я глянул на бабулю. Не, не буду её спрашивать. Ей, похоже, самой нужна помощь. Может, у неё давление подскочило? Да нет, вроде бодренькая, даже за руку меня держит. Крепко! Жалко, соображать перестала.

Так-так... Ну, не слышно ни звука, – это раз. А ведь мелькнула же ещё какая-то мысль! Так-так. Так... А! Ветра совсем нет. Ну прямо вот ни малейшего движения воздушных масс, как написано в учебнике по географии. А ведь так не бывает!

Я попробовал дунуть – не дуется. А дышу вроде нормально, не задыхаюсь. Как-то незаметно увлёкся дыхательными упражнениями: дул на ладони, на воротник куртки, даже на бабулю подул. Но воздух не двигался. Я заёрзал глазами – на что бы ещё дунуть, и вдруг заметил, что из толпы на меня смотрит какая-то тётка. То есть не тётка, а молодая женщина, но уже, наверное, не студентка. Учительница, скорее всего. У таких глаза как вцепляются в тебя, как лазером светят.

Та, видимо, колебалась – подойти или не подойти. Ба-лин, я всё ещё не узнал, в каком мы городе. А женщина, училка эта, типа нормальная. Подойду сам. То есть подойдём. Я потянул бабулю за рукав, но женщина сама шагнула нам навстречу.

– Скажите, пожалуйста, а какой это город?

Уффф... с этой хоть есть контакт – вытянула свою рыбку башку, чуть не в нос мне губищами уткнулась. Но – ничего не ответила, только моргнула, и несколько раз приоткрыла и закрыла рот. Такой реакции – не-а-дек-ват-ной, я не ожидал. Рассердился, но... надо попытаться ещё раз.

– Тут рядом дачи, я с них. Пошёл в поля, и заблудился. Хочу попасть домой, потому что на дачу не получается. Времени уже много прошло! А ещё мне в понедельник в школу...

Да что ж такое – ни буль-буль в ответ. Глухонемая, что ли? Если да, то нечего к людям приставать. Тем более к тем, кто заблудился или ребёнок. Ну, я, конечно, большой, но – пока, всё-таки, ребёнок. Глухонемая училка не отставала: водила головой вокруг моего лица, повторяла свой буль-буль – приоткрывала и закрывала рот... я понял – она что-то спрашивала, или что-то объясняла. Наверное, и то, и другое. Балин... а если это я внезапно оглох?! Дёрнул бабку за руку.

– Ы-а?

О, уже мычать начала, совсем зависла. Но – уррра, я услышал её, а, значит, не оглох. Проблемы на стороне тётки, училки этой!

Стоп, чего-то я туплю или не догоняю. Бабуля, конечно, порядочно тормознула, но вот от строгого голоса Училки дёрнулась: выпучила глаза, снова выдохнула своё «Ы-а». Значит, если уж не поняла, то хотя бы услышала вопрос?... Тут

я очень испугался – и за себя, потому что проблемы с кон-
нектом всё-таки имеются, и за бабуку. Вдруг её уволокут мен-
ты или санитары... В общем, решил рассказать всё как было,
честно и подробно.

– Понимаете, она со мной. Это я сам попросил показать
дорогу, потому что заблудился. Ну, скажите, как называется
этот город, больше нам никакой помощи не нужно. И вот ещё
что: есть здесь где-нибудь бесплатный вай-фай? Определю
геопозицию и проложу маршрут. Домой мы сами дойдём!

Рассказал даже, как увидел утром «козу» – теперь-то я до-
гнал, что никакая это не коза, а фиг поймёшь что, как на-
просился с отцом, как отщипнул шерсти на том странном
поле... Вытащил клочки из кармана, чтобы она не думала,
что я гоню! Она догадалась, что я рассказал о чём-то важном
– уверен в этом. Потому что заколыхалась, как водоросль в
аквариуме, а глазами как будто разбирала меня на пазлы. Но
не сказала ничего... Долго разглядывала шерстинки, кото-
рые прилипли к моей вспотевшей ладони. Задумалась, по-
качала своей рыбьей мордой. Указала длинным пальцем на
мою правую руку. Похоже, захотела дотронуться до меня!

Я протянул руку с опаской, но не то что бы испугался.
Я, вообще-то, смелый. И людей вокруг полно. Что она мне
сделает?! Но нет: левую ладонь Училка опустила ниже моего
запястья, а указательным пальцем правой осторожно водила
над точкой, где щупают пульс – опять-таки, не дотрагиваясь
до меня.

Указательным пальцем?! Нет, это был не указательный палец. Офигеть у неё пальцы! Длинные, гораздо тоньше, чем у нормальных людей, совершенно без ногтей. Как осьминожки щупальца! А большой палец не сбоку от четырёх других, как у обычных людей, а там же, где остальные четыре.

Получается, водила она пальцем, который на нормальной руке был бы большим. Лицо Училки, конечно, непривычное, но по нему было видно, что она офигела. И вообще никогда не видела руки, типа как моя. Даже рот приоткрыла. Чего же особенного в моей ладони или в пульсе? В этот раз она ещё дольше шлёпала губищами, и очень старательно всматривалась – или внюхивалась, уж не знаю, в моё лицо.

А потом Училка протянула свои ласты к руке бабульки. С ней все действия повторились, только быстрее и без удивления. И бабуля её услышала! А если и не услышала, то поняла. И даже очнулась! Запищала: «Не хочу я!» Тон её голоса был настолько жалобным, что у меня сердце схватило. Нельзя старых обижать... А училка нахмурила те места, где у нормальных людей находятся брови. Видать, рассердилась на бабку.

– Не скажу! – пискнула та, и спряталась за меня. Я никак не ожидал, что бабуля будет вести себя как девчонка. Ничего, отстою её у рыбьей морды! Однако, это «не скажу» выглядело так смешно, что я заржал. А училка рассердилась ещё больше.

Замахала руками-ластами. До меня допёрло – если ничего

не придумаю, моей бабушке точняк хана. Куда мы попали? Я не понимал этого совершенно. Но вот что я понял – и понял *совершенно*, – мы *попали*. Ба-лин, хоть бы выпросить у этой рыбищи побольше... Как, как это сделать?... Ой, да очень просто. Притворюсь, что память потерял!

– Вы извините, что я так странно выгляжу. Мне кажется, я потерял память. А... – я махнул в сторону бабули, помогает мне найти дорогу. Не отправляйте её никуда, мне с ней легче. И расскажите про всё вокруг, – я сделал руками жест, как будто хотел обхватить весь земной шар, – самое главное, скажите же наконец, где тут ближайший город?

Учительница оглядела меня ну очень пристально. Дошло ли до неё, о чём речь? Не уверен... Помолчала некоторое время – у меня аж всё зачесалось от напряжения! Наконец, она протянула руку к моей руке – может, опять надумала пульс пощупать. Если и подумала, то сразу передумала. Решительно протянула свою ласту передо мной, как бы подтолкнула вперёд. Ещё и ткнула своей своей башкой воздух – типа, иди.

– Ну а... – я кивнул на бабулю, – а как же она?

Училка напряглась – так напрягаются, когда неаккуратно вытаскивают соломинку из бокала, и сок капает на брюки. А брюки – белые! Но тут уж не раздумывала долго: пошлёпала губами, как мне показалось, что-то отрицательное. Ну уж нет! Бабуля – если, конечно, хоть капельку придёт в себя, – человек, который будет как бы переводчиком между мной и

этой... училкой. И всеми теми, кто тут. Зря я считал, что от старых нет никакой пользы!

– Мы вместе, и никуда я без неё не пойду! – я уже хотел закричать «помогите, звоните а МЧС», но тут в голове что-то переключилось. Да ведь эта баба – сумасшедшая. Глухонемая сумасшедшая. Надо... да оттолкнуть её надо, и – бегом к толпе, чтобы заметили!

И я оттолкнул её. Может, это невежливо – уж родители точно так сказали бы, если бы увидели. Наверное, и извиниться заставили бы... ну и фиг с ним, что невежливо, и пусть тётке этой рыбной обидно и больно! Она попыталась схватить меня за ремень в поясе джинсов...

– Ах, ты, ничего у тебя не выйдет!

И я стал щипать её за спину! А потом укусил за плечо. Бить женщину кулаками или ногами я не стал бы никогда, даже вот такую... я знаю, что это плохо. Но щипаться и кусаться же можно? Училка на всё это отреагировала, но о-о-очень ненормально. Со мной случалось типа того, когда дружки моего брата прикололись надо мной – дали выпить водки. Это такая гадость – до сих пор не догоняю, почему отец хочет пить её каждый день.

Но я не про то, что было невкусно и неприятно. Дело в том, что главное моё впечатление – шок, – я же не знал, чего Тимкины дружки мне подлили. А водку я тогда попробовал первый раз в жизни. И вот, училка тоже типа того – офонарела, как будто её впервые в жизни ущипнули и укусили.

Зависла конкретно, а выражение её лица из никакого стало диким. Бабуля смотрела на нашу – почти что драку, вытаращенными глазами. Мне показалось, что она дрожит от страха.

– Бегите! – крикнул я ей, – зовите людей, зовите ментов! Ба-лин, да хотя бы кричите, и погромче!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.